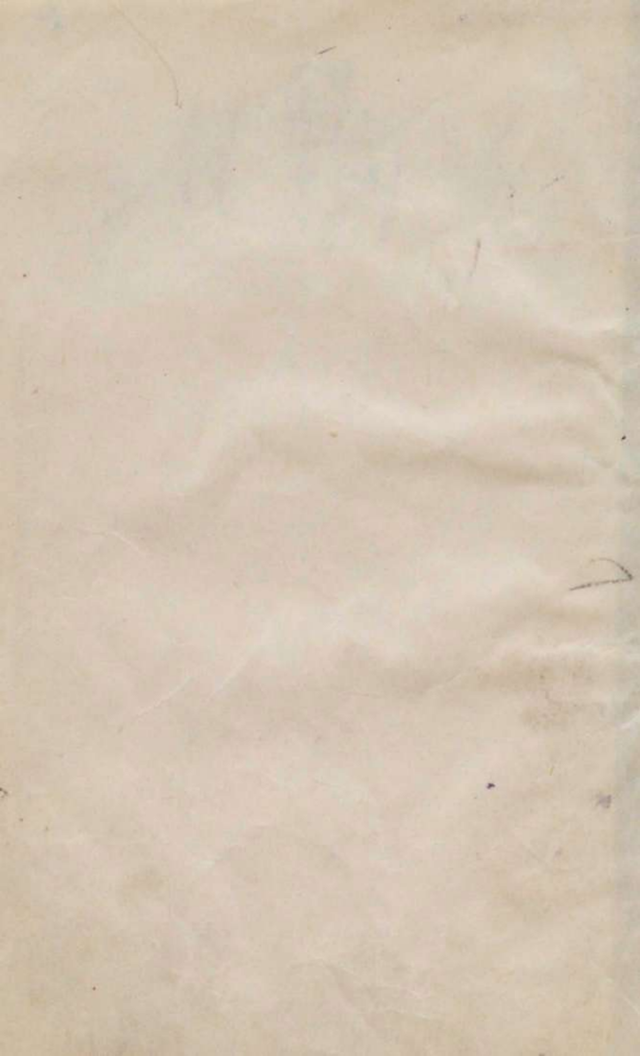

M 69
254

РУСКІЯ

НАРОДНЫЯ СКАЗКИ,

собранныя

Богданомъ Бронницынымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи А. Воейкова и Комп.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 13 Декабря 1837 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Много писали и говорили о пользѣ собиранія народныхъ сказокъ, сохраняющихъ въ себѣ черты народныхъ свойствъ, повѣрьевъ, поговорокъ и тѣхъ особенностей, которыя составляютъ собственность каждаго языка и народа. Между собирателями Рускихъ сказокъ, почетное мѣсто принадлежитъ *Чулкову*, сохранившему намъ знаменитую старинную сказку о *Василъѣ Богуслаевичѣ*. Сказка эта

заслужила вниманіе Императрицы Екатерины Великой, передѣлавшей ее въ оперу, и еще недавно расхвалена иностранными писателями по Французскому переводу, несовершенно передающему ея красоты. Сказки *Луганскаго* привлекательны по игривой веселости и живому, мастерскому выраженію Русскаго народнаго остроумія. Сказки, еще прежде изданныя подъ названіемъ: *Лекарства отъ задумчивости* и *Дѣдушкиныхъ прогулокъ*, представляютъ собраніе извѣстнѣйшихъ Русскихъ сказокъ во всей первобытной простотѣ ихъ и безъискуственности, что имѣетъ большое достоинство, если не для всѣхъ читателей, то для знатоковъ Словесности.

Сказки, собранныя мною, записаны со словъ хожалаго сказочника, крестьянина изъ Подмосковной, которому расказывалъ старикъ, отецъ его. Въ нихъ замѣчателенъ складъ расказа, представляющаго по большей части сборъ разномѣрныхъ Русскихъ стиховъ. Самое содержаніе сказокъ мнѣ показалось любопытнымъ, представляя изобрѣтательность воображенія при всей простотѣ народной рѣчи.

Богданъ Бронницынъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ,

а въ ней пять сказокъ:

1. О Василисѣ золотой косѣ, непокрытой красѣ, и объ Иванѣ Горохѣ.
2. О богатырѣ Голѣ Воянскомъ.
3. О безсчастномъ стрѣлкѣ.
4. О Иванѣ Кручинѣ, купеческомъ сынѣ.
5. О серебряномъ блюдечкѣ и наливномъ яблочкѣ.

I.

СКАЗКА

о

ВАСИЛИСѢ, ЗОЛОТОЙ КОСѢ, НЕПОКРЫТОЙ КРАСѢ, И ОБЪ ИВАНѢ ГОРОХѢ.

Жилъ былъ царь Свѣтозаръ. У него у царя было два сына, и красавица дочь.

Двадцать лѣтъ жила она въ свѣтломъ теремѣ; любовались на нее царь съ царицею, еще мамушки и сѣнныя дѣвушки; но никто изъ князей и богатырей не видалъ ея лица, а царевна-краса называлась Василиса *золотая коса*; никуда она изъ терема не ходила, вольнымъ воздухомъ царевна не дышала.

Царевна рвала цвѣточки лазоревые; отошла она немного отъ мамушекъ; въ молодомъ умѣ осторожности не было; лице ея было открыто, красота безъ покрова . . . . . Вдругъ поднялся сильный вихрь, какого не видано, не слыхано, людьми старыми не запомнено; закрутило, завертѣло; глядь—подхватилъ вихорь царевну; понеслась она по воздуху. Мамки вскрикнули, ахнули; бѣгутъ, оступаются, во всѣ стороны мечутся, но только и увидѣли, какъ помчалъ ее вихорь, и унесло Василису, золотую косу, черезъ многія земли великія, рѣки глубокія, черезъ три царства въ четвертое, въ область Змѣя-Лютаго.

Мамки бѣгутъ въ палаты, слезами обливаются, царю въ ноги бросаются: Государь! неповинны въ бѣдѣ, а по-

винны тебѣ; не прикажи насъ казнить, прикажи слово молвить: вихрь унесъ наше солнышко, Василису-красу, золотую косу, и невѣдомо куда.—Все расказали какъ было. Опечалился царь, разгнѣвался, а и въ гнѣвѣ бѣдныхъ помиловалъ. Вотъ на утро князья и королевичи въ царскія палаты наѣхали, и видя печаль—думу царскую, спросили его, что случилося?

Грѣхъ надо мною! сказалъ имъ царь: вихремъ унесло мою дочь дорогую, Василису, косу золотую, и не знаю куда. Расказалъ все, какъ было.

Пошелъ говоръ межъ пріѣзжими, и князья и королевичи подумали, перемолвились, не отъ нихъ ли царь отрекается, выдать дочь не рѣшается; бросились

въ теремъ царевны; нигдѣ не нашли ее.

Царь ихъ одарилъ, каждаго изъ казны надѣлилъ; сѣли они на коней, онъ ихъ съ честію проводилъ; свѣтлые гости откланялись, по своимъ землямъ разъѣхались. Два царевича молодые, братья удалые Василисы, золотой косы, видя слезы отца, матери, стали просить родителей: отпусти ты насъ, государь отецъ, благослови, государыня матушка, вашу дочь, а нашу сестру отыскивать. Сыновья мои милые, дѣти родимыя; сказалъ царь невесело, кудажъ вы поѣдете?

Поѣдемъ мы, батюшка, вездѣ, куда путь лежитъ, куда птица летитъ, куда глаза глядятъ; авось мы и сыщемъ ее!

Царь ихъ благословилъ, царица въ путь снарядила; поплакали, разстались. Ѣдутъ два царевича, близко ли путь, далеко ли, долго ль въ ѣздѣ, коротко ли, оба не знаютъ.

Ѣдутъ годъ они, ѣдутъ два, проѣхали три царства, и синѣются, виднѣются, горы высокія, между горъ степи песчаныя: то земля Змѣя-Лютаго; и спрашиваютъ царевичи встрѣчныхъ: не слыхали ли, не видали ли, гдѣ царевна Василиса, золотая коса? И отъ встрѣчныхъ въ отвѣтъ имъ: мы ее не знали, гдѣ она—не слыхали. Давъ отвѣтъ, идутъ въ сторону.

Подъѣзжаютъ царевичи къ великому городу; стоитъ на дорогѣ предряхлый старикъ, и кривой и хромой, и съ клюкой, и съ сумой, проситъ милостыни.

Пріостановились царевичи, бросили ему деньгу серебряную, и спросили его: не видалъ ли онъ гдѣ, не слыхалъ ли чего о царевнѣ Василисѣ, *золотой косѣ, непокрытой красѣ?*» Эхъ, дружки, отвѣчалъ старикъ, знать, что вы изъ чужой земли! Нашъ правитель Лютый-Змѣй запретилъ крѣпко на-крѣпко толковать съ чужеземцами. Намъ подъ страхомъ заказано говорить, пересказывать, какъ пронесъ мимо, города вихрь - царевну прекрасную. Тутъ догадались царевичи, что близко сестра ихъ родимая; рьяныхъ коней понукаютъ, къ дворцу подъѣзжаютъ; а дворецъ тотъ золотой, и стоитъ на одномъ столбѣ, на серебряномъ, а навѣсъ надъ дворцемъ самоцвѣтныхъ каменьевъ, лѣстницы перламутровыя, какъ крылья въ обѣ стороны расходятся, сходятся. На ту пору Василиса прекрас-

ная смотритъ въ грусти въ окошечко, сквозь рѣшетку золотую, и отъ радости вскрикнула, братьевъ своихъ вдалекѣ распознала, словно сердце сказало, и царевна тихонько послала ихъ встрѣтить, во дворецъ проводить. А Змѣй-Лютый въ отлучкѣ былъ. Василиса прекрасная береглася, боялася, чтобы онъ не увидѣлъ ихъ; лишь только вошли они, застоналъ столбъ серебряной, расходилися лѣстницы, засверкали всѣ кровельки, весь дворецъ сталъ повертываться, по мѣстамъ передвигиваться. Царевна испугалась, и братьямъ говоритъ: Змѣй летитъ! Змѣй летитъ! отъ того и дворецъ кругомъ перевертывается. Скройтесь, братья! Лишь сказала, какъ Змѣй-Лютый влетѣлъ, и онъ крикнулъ громкимъ голосомъ, свиснулъ молодецкимъ посвистомъ: кто тутъ живой человѣкъ?

Мы, Змѣй-Лютый, не робѣя отвѣчали царевичи, изъ родной земли, за сестрой пришли.»

А! это вы, молодцы! вскрикнулъ Змѣй, крыльями хлопая. Не зачѣмъ бы вамъ отъ меня пропадать, здѣсь сестры искать; вы братья ей родные, богатыри, да небольшіе.

И Змѣй подхватилъ на крыло одного, ударилъ имъ въ другаго, и свиснулъ и гаркнулъ.—Къ нему прибѣжала дворцовая стража, подхватила мертвыхъ царевичей, бросила обоихъ въ глубокій ровъ. Залилась царевна слезами. Василиса, коса золотая, ни пищи, ни питья не принимала, на свѣтъ бы глядѣть не хотѣла; дня три и четыре проходятъ, ей не умирать стать, умереть не рѣшилася: жаль

красоты своей; голода послушала, на третій покушала.

А сама думу думаетъ, какъ бы отъ Змѣя избавиться, и стала вывѣдывать ласкою: Змѣй-Лютый, сказала она; велика твоя сила, могучъ твой полетъ, неужели тебѣ сопротивника нѣтъ?

Еще не пора, молвилъ Змѣй, на роду моемъ написано, что будетъ мнѣ сопротивникъ: *Иванъ Горохъ*, и родится онъ отъ горошинки.

Змѣй въ шутку сказалъ, сопротивника не ждалъ. Надѣется сильный на силу, а и шутка находитъ на правду. Тосковала мать прекрасной Василисы, что нѣтъ вѣсточки о дѣтяхъ; за царевною царевичи пропали.—Вотъ пошла она однажды разгуляться, въ садъ съ бояры-

нями. День былъ знойной; пить царица захотѣла.

Въ томъ саду, изъ пригорка, выбѣгала струею ключевая вода, а надъ ней былъ колодезь бѣломраморный.

Зачерпнувъ золотымъ ковшомъ воды чистой какъ слезинка, царица пить поспѣшила, и вдругъ проглотила съ водою горошинку.

Разбухла горошинка, и царицѣ тяжелешенько; горошинка ростетъ да ростетъ, а царицу все тягчитъ да гнететъ. Прошло нѣсколько времени, родила она сына; дали ему имя *Иванъ Горохъ*, и ростетъ онъ не по годамъ, а по часамъ, гладенькой, кругленькой; глядитъ, усмѣхается; прыгаетъ, выскочитъ, да въ пескѣ онъ катается, и все прибываетъ въ

немъ силы, такъ что лѣтъ въ десять сталъ могучъ богатырь. — Началъ онъ спрашивать царя и царицу, много ли было у него братьевъ и сестеръ, и узналъ, какъ случилось, что сестру вихрь унесъ, невѣдомо куда.—Два брата отпросились отыскивать сестру, и безъ вѣсти пропали.

Батюшка! матушка! просился Иванъ Горохъ, и меня отпустите, братьевъ и сестру отыскать благословите.—Что ты, дитя мое? въ одинъ голосъ сказали царь и царица, ты еще зеленехонекъ, молодехонекъ; братья твои пошли да пропали; и ты, какъ пойдешь, пропадешь.— «Авось не пропаду! сказалъ Иванъ Горохъ, а братьевъ и сестры доискаться хочу.» Уговаривали и упрашивали сына милаго царь съ царицею, но онъ про-

сится, всплачетъ, взмолится; въ путь дорогу снарядили, со слезами отпустили. Вотъ Иванъ Горохъ на волѣ, выкатился въ чистое поле; ѣдетъ онъ день, ѣдетъ другой, къ ночи въ лѣсъ темный въѣзжаетъ. Въ лѣсу томъ избушка на курьихъ ножкахъ отъ вѣтра шатается, сама перевертывается.—По старому присловью, по мамкину сказанью: «Избушка, избушка, молвилъ Иванъ, подувъ на нее, стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!»—И вотъ повернулась къ Ивану избушка, глядитъ изъ окошка сѣдая старушка и молвитъ: кого Богъ несетъ? Иванъ поклонился, спросить торопился: «Не видала ли бабушка вихря залетнаго? въ какую онъ сторону уноситъ красныхъ дѣвицъ?»

— Охъ, охъ мололецъ! отвѣчала старуха покашливая, на Ивана посматри-

вая; меня тоже напугалъ этотъ вихорь, такъ что сто двадцать лѣтъ я въ избушкѣ сижу, никуда не выхожу: неравно налетитъ, да умчитъ; вѣдь это не вихорь, а Змѣй-Лютый!—«Какъ бы дойти къ нему?» спросилъ Иванъ.—Что ты, мой свѣтъ, Змѣй проглотитъ тебя!—«Авось не проглотитъ!»—Смотри, богатырь, головы не спасти; а если вернешься, дай слово изъ змѣиныхъ палатъ воды принести, которою всплеснешься-помолодѣешь, примолвила она, черезъ силу шевеля зубами.—«Добуду, принесу, бабушка, слово даю.»—Вѣрю на совѣсть твою, Иди же ты прямо, куда солнце катится; черезъ годъ дойдешь до Лисьей горы; тамъ спроси, гдѣ дорога въ Змѣиное царство.—«Спасибо, бабушка.»—Не на чѣмъ, батюшка.—Вотъ Иванъ Горохъ пошелъ въ сторону, куда солнце катится. Скоро

сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Прошелъ онъ три государства, дошелъ и до Змѣинаго царства. Передъ городскими воротами увидѣлъ онъ нищаго, хромаго, слѣпаго старика съ клюкой, и подавъ милостыню, спросилъ его, нѣтъ ли въ томъ городѣ царевны молодой, Василисы, косы золотой!—«Есть, да не велѣно сказывать,» отвѣчалъ ему нищій. Иванъ догадался, что сестра его тамъ. Добрый молодецъ смѣлъ, прибодрился, и къ палатамъ пошелъ. На ту пору Василиса краса, золотая коса, смотритъ въ окошко, не летитъ ли Змѣй-Лютый, и примѣтила издалека богатыря молодаго, знать объ немъ пожелала, тихонько развѣдать послала: изъ какой онъ земли, изъ какого онъ рода, не отъ батюшки ли присланъ, не отъ матушки ль родимой?

Услышавъ, что пришелъ Иванъ, братъ меньшой, (а царевна его и въ лицо не знавала) Василиса къ нему подбѣжала, встрѣтила брата со слезами. «Бѣги поскорѣе, закричала; бѣги, братецъ,—скоро Змѣй будетъ;—увидитъ, погубитъ!

«Сестрица любезная! отвѣчалъ ей Иванъ, не ты бы говорила, не я бы слушалъ. Не боюсь я Змѣя и всей силы его.»—Да развѣ ты, Горохъ? спросила Василиса, коса золотая, чтобъ сладить съ нимъ могъ? —«Погоди, другъ сестрица, прежде напой меня; шелъ я подъ зноемъ, пріусталъ я съ дороги, такъ хочется пить!»—

— «Что же ты пьешь, братецъ?»—По ѳедру меду сладкаго, сестрица любезная.

Василиса, коса золотая, велѣла принести ведро меду сладкаго, и Горохъ выпилъ ведро за одинъ разъ, однимъ духомъ; попросилъ налить другое!

Царевна приказать торопилась, а сама смотрѣла, дивилась. — Ну, братецъ, сказала, тебя я не знала, а теперь повѣрю, что ты Иванъ Горохъ.—«Дай же присѣсть немного, отдохнуть съ дороги.»

Василиса велѣла стулъ крѣпкій придвинуть, но стулъ подъ Иваномъ ломается, въ куски разлетается; принесли другой стулъ, весь желѣзомъ окованный, и тотъ затрещалъ и погнулся.—«Ахъ, братецъ, вскричала царевна, это стулъ Змѣя-Лютаго.»—Ну, видно я потяжеле, сказалъ Горохъ усмѣхнувшись; всталъ и пошелъ на улицу, изъ палатъ въ куз-

ницу. И тамъ заказалъ онъ старому мудрецу, придворному кузнецу, сковать посохъ желѣзной, въ пять сотъ пудъ. Кузнецы за работу взялись, принялись, куютъ желѣзо, день и ночь молотами гремятъ, только искры летятъ, черезъ сорокъ часовъ былъ посохъ готовъ. Пятьдесятъ человѣкъ несутъ, едва тащутъ, а Иванъ Горохъ взялъ одной рукой, бросилъ посохъ вверхъ. Посохъ полетѣлъ, какъ гроза загремѣлъ, выше облака взвился, изъ вида скрылся.

Весь народъ прочь бѣжитъ, отъ страха дрожитъ, думая: когда посохъ на городъ упадетъ, стѣны прошибетъ, людей передавитъ, а въ море упадетъ — море расхлеснетъ, городъ затопитъ.

Но Иванъ Горохъ спокойно въ палаты пошелъ, да только сказать велѣлъ, когда посохъ назадъ полетитъ.

Побѣжалъ съ площади народъ, смотрятъ изъ-подъ воротъ, смотрятъ изъ оконъ, не летитъ ли посохъ? Ждутъ часъ, ждутъ другой, на третій задрожали, сказать прибѣжали, что посохъ летитъ!

Тогда Горохъ выскочилъ на площадь, руку подставилъ, на лету подхватилъ, самъ не нагнулся, а посохъ на ладони согнулся. Иванъ посохъ взялъ, на колѣнкѣ поправилъ, разогнулъ, и пошелъ во дворецъ. Вдругъ послышался страшный свистъ: мчится Змѣй-Лютый; конь его вихорь стрѣлою летитъ, пламенемъ пышетъ; съ виду Змѣй богатырь,—а голова змѣиная. Когда онъ летитъ, еще за десять верстъ весь дворецъ начнетъ повертываться, съ мѣста на мѣсто передвигиваться, а тутъ Змѣй видитъ, дворецъ съ мѣста не трогается.

Видно сѣдокъ есть! Змѣй призадумался, присвиснулъ, загаркалъ; конь-вихорь тряхнулъ черною гривою, размахнулъ широкія крылья, взвился, зашумѣлъ; Змѣй подлетаетъ ко дворцу, а дворецъ съ мѣста не трогается.

Ого! заревѣлъ Змѣй-Лютый, видно есть сопротивникъ. — Не Горохъ ли въ гостяхъ у меня? — Скоро пришелъ богатырь.—Я посажу тебя на ладонь одною рукою, прихлопну другою, костей не найдутъ.—«Увидимъ! какъ тутъ»—молвилъ Иванъ Горохъ, съ посохомъ выходитъ, а Змѣй съ вихря кричитъ: Расходись, Горохъ, не катайся! «Лютый Змѣй! разъѣзжайся!» Иванъ отвѣчалъ, посохъ поднялъ. Змѣй разлетѣлся ударить Ивана, взоткнуть на копье, промахнулся; Горохъ отскочилъ, не шатнулся. Те-

перь я тебя! зашумѣлъ Горохъ; пустилъ въ Змѣя посохъ, и такъ огорошилъ, что Змѣя въ куски разорвалъ, разметалъ, а посохъ землю пробилъ, ушелъ черезъ два въ третье царство.

Народъ шапки вверхъ побросалъ, Ивана царемъ величалъ. Но Иванъ тутъ примѣтя кузнеца-мудреца, въ награду, что посохъ скоро сработалъ, старика подозвалъ и народу сказалъ: вотъ вамъ голова! слушайте его на добро радѣя, какъ прежде на зло слушали вы Лютаго-Змѣя.

Иванъ добылъ и живо-мертвой воды, спрыснулъ братьевъ; поднялись молодцы, протираютъ глаза, сами думаютъ: долго спали мы. Богъ вѣсть, что сдѣлалось! «Безъ меня, и вѣкъ-бы вы спали, братья

милые, други родимые, сказалъ имъ Иванъ Горохъ, прижимая къ ретивому сердцу. Не забылъ онъ взять и змѣиной водицы; корабль снарядилъ, и по рѣкѣ Лебединой съ Василисой красой, золотою косой, поплылъ въ земли свои, черезъ три царства въ четвертое; не забылъ и старушки въ избушкѣ; далъ ей умыться змѣиной водицей; обернулась она молодицей, запѣла, заплясала, за Горохомъ бѣжала, въ пути провожала.

Отецъ и мать Ивана встрѣчали съ радостью, съ честью; гонцовъ разослали во всѣ земли съ вѣстью, что возвратилась дочь ихъ родная, Василиса, коса золотая. Въ городѣ звонъ, по ушамъ трезвонъ, трубы гудятъ, бубны стучатъ, самопалы гремятъ. Василиса жениха дождалась, а царевичу невѣста нашлась.

Четыре вѣнца заказали, двѣ свадьбы пировали. На весельѣ, на радостяхъ, пиръ горой, медъ рѣкой. Дѣды дѣдовъ тамъ были, медъ пили, и до насъ дошло, по усамъ текло, въ ротъ не попало, только вѣдомо стало, что Иванъ по смерти отца принялъ царскій вѣнецъ, правилъ со славой державой, и въ роды родовъ славилось имя—царя Гороха!

II.

СКАЗКА

о

БОГАТЫРѢ ГОЛѢ ВОЯНСКОМЪ.

Мужичокъ простачокъ пахалъ пашню; лошаденка его была худенькая, хромоногая, и ту облѣпили слѣпни съ комарами.

Вотъ простачокъ взялъ свой кнутъ, да взмахнулъ такъ счастливо, на диво, что разомъ убилъ тридцать трехъ слѣпней, а комаровъ безъ счета.

Простачокъ мужичекъ думать сталъ: малъ да удалъ, въ богатыри я попалъ; тридцать трехъ молодцовъ съ разу положилъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Големъ мужичокъ назывался. Смотришь, и Голь взвеличался; выпрягъ свою лошаденку, взобрался на нее полегоньку, сѣлъ верхомъ, выѣхалъ на большую дорогу, срубилъ дерево стояростовое, и поставилъ столбъ съ надписью: *Здѣсь проѣхалъ богатырь Голь Воянской, встрѣтился съ силой бусурманской, тридцать трехъ богатырей съ разу положилъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ.—Если какой богатырь на встрѣчу ѣдетъ, у столба поджидай, а позади; такъ меня догоняй.*—Голь взобрался на клячу, и въ путь поплелся наудачу.

Немного спустя, ѣдетъ мимо столба Чурила Пленковичъ, надпись прочиталъ—

подивился, Голя нагнать торопился; такого имени и не слыхивалъ, а видно могучъ богатырь, такъ надобно съ нимъ подружиться.

Чурила скачетъ во весь опоръ, нагоняетъ Голя, и спрашиваетъ: не проѣзжалъ ли богатырь Голь Воянской?

— Я, сказалъ Голь; а ты кто?

— Чурила Пленковичъ! отвѣчалъ молодой богатырь поклонясь, а самъ думаетъ: что за чудеса? мужичонка невидной, и ѣхать съ нимъ стыдно; самъ онъ шарашится, а кляча чуть тащится.

— Ступай въ науку, поѣзжай по лѣвую руку! сказалъ Голь, и Чурила въ раздумьи поѣхалъ возлѣ него, на Воян-

скаго богатыря посматривая, и на клячу поглядывая. Между тѣмъ, ѣдетъ Еруслапъ Лазаревичъ мимо столба съ надписью, прочиталъ, и ну гнать коня за Големъ Воянскимъ.

Догналъ, и увидя знакомаго Чурилу, спросилъ, не видалъ ли онъ Голя?

Чурило указалъ на товарища.

Еруславъ Лазаревичъ поклонился, а самъ подивился.

Погоняй въ ряду по правую руку, сказалъ ему Голь. На ту пору нагоняетъ ихъ еще богатырь, Бова королевичъ сынъ; надпись на столбѣ прочиталъ, и коня погонялъ, отыскивать Голя Воянскаго, побѣдителя бусурманскаго; видитъ

мужичка на кляченкѣ, тащится потихоньку, а по сторонамъ его ѣдутъ два славные богатыря, Еруславъ Лазаревичъ и Чурило Пленковичъ, говорятъ съ нимъ почтительно, а тотъ отвѣчаетъ: радъ вамъ товарищамъ!

Поклонился Бова, королевинъ сынъ, Голю, да объ имени спрашивалъ.

«Голь Воянской, самъ себѣ большой, отвѣчалъ простачокъ; а ты кто?

— Я Бова, королевинъ сынъ, отвѣчалъ богатырь.—Милости просимъ на подвиги, сказалъ Голь; ни поздно, ни рано; поѣзжай возлѣ Еруслана! Ѣдутъ богатыри, куда Голь ѣдетъ, и подъѣхали къ заповѣднымъ лугамъ царь-дѣвицы богатырки.

«Тутъ заказанъ путь,» сказалъ Еруславъ.

«Не бѣда!» молвилъ Голь, много Русь обижала, путь не намъ заказала.—Пускайте коней на луга!

Голь Воянской, сказалъ Еруславъ, у королевны сила великая: двадцать два богатыря, да Зилантъ Змѣулановичъ, Тугариновъ братъ.

Съ меня мало, сказалъ Голь, будетъ ли на долю твою? я всѣхъ, какъ мухъ перебью.

Ну, инъ быть такъ! сказалъ Еруславъ, поѣдемъ въ заповѣдные луга тѣшиться, съ силами богатырскими перевѣдаться. Въѣзжаютъ богатыри, топчутъ цвѣтные

луга, видятъ бѣлый пустой шатеръ, пустили коней на траву, а сами вошли въ шатеръ, сѣли, да поглядываютъ; одинъ Голь легъ отдыхать , и чтобъ не было жарко, снялъ съ себя кафтанъ, занавѣсилъ шатеръ отъ солнышка, а самъ захрапѣлъ.

«Голь надѣется на себя!» сказалъ Бова, королевинъ сынъ.

Между тѣмъ во дворцѣ королевны поднялась тревога; въ колокола звонятъ, въ трубы трубятъ, и выѣхала изъ города дружина воиновъ, да три богатыря въ латахъ.

Чурило будитъ Голя : вставай ! силы много на насъ.

Голь всталъ , и съ просонья зѣвая , сказалъ : что это ?—Три богатыря—три

слѣпня, а сила вся—комары; не дадутъ уснуть до поры. Ступай, Чурило, переѣдайся съ ними, оставь одного, и пошли къ богатыркѣ, да вели ей сказать: за меня шла бы замужъ!—Чурило поѣхалъ, долго бился, рубился, и перерубилъ всѣхъ, одного послалъ къ королевнѣ.

Но вмѣсто отвѣта выслали изъ города шесть богатырей съ тремя дружинами.

Опять разбудили заснувшаго Голя.

«Эге!» сказалъ Голь;—«что за сила? одной рукой махнуть, пришибу. Королевинъ сынъ, поди справься одинъ! да оставь одного, послать къ королевнѣ.»

Сказавъ, пошелъ спать.

Посчастливилось королевину сыну высланныхъ богатырей побѣдить, одного за другимъ перебить, а дружины ихъ разбѣжались.

Но королевна высылаетъ еще болѣе силы: двѣнадцать богатырей, съ ними шесть дружинъ.—Скачутъ, трубятъ и мечами машутъ.

«Ого! сколько высыпало!» сказалъ Голь вставая, туча лихая! двѣнадцать слѣпней, а комаровъ безъ счета. Еруланъ, будетъ съ тебя, а не то, мы пособимъ.

Еруланъ сѣлъ на коня, пустился соколомъ, мечемъ кладенцемъ на отмашь рубитъ, вправо и влѣво, богатырей разметалъ, дружины погналъ. Королев-

на видитъ бѣду неминучую, высылаетъ Зиланта Змѣулановича.

Загремѣлъ Зилантъ, выходя изъ желѣзнаго гнѣзда, а висѣло оно на двѣнадцати дубахъ, на двѣнадцати цѣпяхъ. Несется Зилантъ, какъ стрѣла на орла, зоветъ какъ трубой, перевѣдаться въ бой.

Видно мнѣ очередь, сказалъ Голь. Нечего дѣлать, подумалъ онъ, ѣхать—на смерть. Тутъ мнѣ и конецъ; за то богатырская честь, а дѣлу вѣнецъ! Перекрестился Голь, сѣлъ на кляченку, ѣдетъ потихоньку зажмуривъ глаза, а самъ топоромъ, что есть силы машетъ.

Зилантъ заревѣлъ увидя издалека Голя, и думаетъ: не на смѣхъ ли послали, а Голь шепчетъ про себя: отцы и бра-

тія, поминай, какъ звали! и ожидая смерти, опустилъ голову на шею своей лошаденки, которая бѣжала на трехъ ногахъ, а четвертой прихрамывала.

У Зиланта запрыгали глаза во лбу. Нѣтъ ли тутъ умысла? думалъ онъ: мужичонка прилегъ къ лошаденкѣ, что за богатырь? пальцемъ щелкнуть, на сажень отлетитъ.

Зилантъ оглядывается, нѣтъ ли тутъ хитрости, и къ сѣдлу наклонился, а Голь приподнялъ голову, и вдругъ приободрился, съ топоромъ наскочилъ, да такъ оглушилъ, что Зилантъ на песокъ повалился.

Тутъ Голь, не давъ Зиланту опомниться, сталъ рубить его, какъ сосну въ

щепы, машетъ да рубитъ топоромъ, сдернулъ шеломъ, и поѣхалъ къ товарищамъ. Тогда королевнѣ забота, принуждена приказать отпереть городскія ворота, просить богатырей на пиръ, заключить съ ними миръ.

Увидѣла Голя, дивится, въ комъ богатырская сила, и сама подошла къ нему, руку на плечо наложила, и такъ придавила, что Голь едва повернулся, выбился изъ-подъ руки, отшатнулся, а королевна ему говоритъ: рада я витязю славному, храбрость всегда почитала. Тутъ она Голю руку пожала, Голь вспрыгнулъ, и зубы онъ стиснулъ, боясь ихъ разжать, закричать.

«Защищай мое царство!» королевна сказала, тебѣ насъ стеречь,» а Голь по-

клонился и думалъ: какъ бы голову свою уберечь! — Королевна велѣла въ бесѣду принесть крѣпкаго меду, думала гостей испытать, но Голь не хотѣлъ пировать, за кубокъ не брался, а молвилъ: кончивъ труды, ничего я не пью, кромѣ богатырской воды!

— «У насъ есть въ запасъ вода богатырская,» сказала королевна.

«А много ль ее?» спросилъ Голь.

— «Бутыль полна,» отвѣчала королевна.

«Да такая ль она, какъ у насъ?» спросилъ Голь. — «Иная бутыль склянки не стоитъ.»

— «Отвѣдай,» сказала королевна, и велѣла принести бутыль съ богатырской водой, и ковшъ золотой.»

Голь налилъ ковшъ, выпилъ, сила въ немъ прибывала, а королевна знать желала, какова вода?

«Еще вкуса не доберусь,» сказалъ Голь; налилъ другой ковшъ, и разомъ онъ выпилъ—еще три ковша.

«Полно, полно!» закричала королевна, «ты и мнѣ воды не оставишь.»

«Славная водица!» молвилъ Голь, расходясь, руками размахивая; каковато теперь сила моя?—Тутъ велѣлъ онъ принесть большой корабельной канатъ, завязать крѣпко на-крѣпко петлею, изъ конюшни королевниной вывесть коня богатырскаго. Сѣлъ на него, разъѣхался, вскочилъ въ петлю головою, и порвалъ канатъ.

Съ той поры Голь богатырствовалъ, пріосанился, на королевнѣ женился; отъ ней у него были двѣ дочери: *Смѣта* да *Удача*. Голь на нихъ глядя, величался, и никто не сомнѣвался, чтобы онъ не одолѣлъ тридцать трехъ богатырей однимъ разомъ.

46.

III.

СКАЗКА

о

БЕЗСЧАСТНОМЪ СТРѢЛКѢ.

Жилъ былъ стрѣлокъ. Когда ни случалось, что въ лѣсъ онъ пойдетъ стрѣлять птицъ, не было удачи, возвращался въ свой домъ съ пустымъ мѣшкомъ, и прозванъ *безсчастнымъ стрѣлкомъ.* — Дошло до того у стрѣлка, что не осталось ни хлѣба въ сумѣ, ни гроша въ котомѣ. Бѣдный, безсчастный, трое сутокъ не ѣлъ, по лѣсу бродя, дрожалъ отъ холода, и пришло ему хоть умирать съ голода.

Легъ онъ на травѣ, сбираясь нацѣлить ружье себѣ въ лобъ; но перекрестился, остановился, отбросилъ ружье, и вдругъ онъ услышалъ шорохъ при вѣтеркѣ, шопотъ невдалекѣ. Шопотъ выходилъ, казалось, изъ густой лѣсной травы.—Всталъ стрѣлокъ, и подойдя къ тому мѣсту, наклонился, увидѣлъ, что трава закрывала глубокую пропасть, изъ той пропасти высунулся камень, а на камнѣ кубышечка лежала. — Тутъ стрѣлокъ услышалъ слабый голосъ: «добрый человѣкъ прохожій! освободи меня!» Тотъ голосъ выходилъ изъ кубышечки, и стрѣлокъ, неустрашимо, съ камня на камень ступая, надъ пропастью самъ очутился, взялъ онъ кубышечку тихо, и слышитъ въ кубышечкѣ голосъ, словно кузнечикъ стрекочетъ: «освободи ты меня, я тебѣ послужу.»

— «Кто ты, дружокъ?» спросилъ безсчастный стрѣлокъ, и слышитъ шопотъ въ отвѣтъ:—«Мнѣ имяни нѣтъ, и меня не видятъ глаза, а кличь, если хочешь: Мурза! Чудодѣй-чародѣй посадилъ меня въ эту кубышку, и запечатавъ Соломоновымъ перстнемъ, бросилъ сюда, и лежалъ я здѣсь семьдесятъ лѣтъ, пока ты не пришелъ.»

— «Хорошо,» сказалъ безсчастный стрѣлокъ, выпущу тебя на волю, посмотрю, какъ исполняешь, что ты обѣщаешь.»

— Стрѣлокъ сорвалъ печать, и кубышку раскрылъ, но въ ней ничего не видалъ.

— «Эй, гдѣ жъ ты, пріятель?» спросилъ стрѣлокъ безсчастный.

— «Возлѣ тебя», кто-то ему отвѣчалъ.

Стрѣлокъ оглянулся вокругъ, но возлѣ него нѣтъ никого!

— «Эй, Мурза!»

— «Что прикажешь? Я слуга тебѣ на три дня и все, чего хочешь, достав лю, — молви только: *«поди туда, не зна куда, и принеси то, не знаю что.»*

— «Хорошо, сказалъ стрѣлокъ, видно ты лучше знаешь, что надобно: *поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что.»*

Лишь только молвилъ безсчастный стрѣлокъ, какъ глядитъ, откуда ни взялся столъ, на лугу; тарелки и блюды из

травы налетѣли, всякимъ кушаньемъ по края полны, какъ будто бы съ царскаго пира. Стрѣлокъ сѣсть за столъ спѣшилъ, голодъ утолилъ, всталъ, помолился, на обѣ стороны поклонился, и молвилъ: спасибо!

— Столъ исчезъ, какъ не бывало, а стрѣлокъ свой путь продолжалъ. Дорогою стрѣлокъ пріусталъ, а на ту пору, шелъ черезъ лѣсъ плутоватый Цыганъ, и коня продавалъ. — Вотъ, если бы деньги, купилъ бы я лошадь, подумалъ безсчастный стрѣлокъ; хорошо бы, когда бъ не былъ тощъ кошелекъ. Дай, скажу пріятелю: «Мурза!» —

«Что угодно?» — «*Поди туда. не знаю куда, принеси то, не знаю что.*

Не прошло минуты, какъ стрѣлокъ послышалъ брянчанье денегъ въ сумѣ своей; невидимо откуда въ нее золото сыпалось.

— «Спасибо на словѣ безъ обмана!» сказалъ стрѣлокъ, и сталъ торговать коня у Цыгана; купивъ коня, началъ отсчитывать деньги, а Цыганъ разинувъ ротъ, дивовался, сколько въ сумѣ у стрѣлка было золота.

Отъѣхавъ отъ стрѣлка, плутоватый Цыганъ зашелъ въ лѣсъ и свиснулъ. На свистъ не отвѣчали. Видно спятъ! подумалъ Цыганъ, и вошелъ въ пещеру, въ которой разбойники отдыхали, на разостланныхъ кожахъ лежали.

— «Что, братцы, спите? — Шевелитесь, встряхнитесь!» онъ крикнулъ; «а не

то прозѣваете сокола; самъ-одинъ въ лѣсу, а сума набита золотомъ. — Вставайте скорѣй!»

— Разбойники на коней, и за стрѣлкомъ поскакали.

Слышитъ топотъ безсчастный стрѣлокъ; видитъ онъ, что скачутъ на него со всѣхъ сторонъ, и кликнулъ: «Мурза!»

— «Я здѣсь!» услышалъ онъ возлѣ себя.

«*Поди туда, не знаю куда*,» и вотъ, смотритъ стрѣлокъ, въ лѣсу зашумѣло, и на разбойниковъ что-то налѣтело изъ-за деревьевъ: одного взброситъ, другаго скинетъ, а кто нападаетъ, никого не видать; разбойники попадали съ коней, не

могли и подняться съ земли, а стрѣлокъ дальше поѣхалъ, пѣсню напѣвая да присвистывая, изъ темнаго лѣса въ чистое поле, и добрался полемъ до города.

Подъ городомъ шатры раскинуты; стоитъ въ шатрахъ дружина ратная. На вопросъ стрѣлку отвѣчали, что подъ городъ тогда подступала Татарскаго хана несмѣтная сила; сватался ханъ за царевну, Миловзору прекрасную; разсердясь за отказъ, пришелъ подъ царство съ Татарами. Бывало, безсчастный стрѣлокъ на охотѣ видалъ Миловзору; царевна на статномъ конѣ скакала съ копьемъ золотымъ; колчанъ, полный стрѣлъ, за плечами блестѣлъ; а откинетъ съ лица покрывало, то солнышкомъ вешнимъ сіяла; очамъ свѣтло и душѣ тепло. Стрѣлокъ призадумался, кликнулъ: «Мурза!»

и вмигъ очутился въ нарядѣ богатомъ, сукно стало бархатъ, кафтанъ облитъ златомъ, съ плеча эпанча, колпакъ шишакомъ, съ шишака развѣваются перья строуса птицы, а приклѣплены запонкой, въ той запонкѣ яхонты, вкругъ яхонтовъ жемчуги. И стрѣлокъ во дворецъ, стоитъ предъ царемъ, и самъ вѣсть подаетъ, что пришелъ отразить силу вражескую, если царь согласится выдать за него царевну Миловзору прекрасную.

Царь удивился, отказать не рѣшился, и спросилъ незнакомца объ имени, родѣ и владѣньяхъ его.

— «Я называюсь безсчастный стрѣлокъ, повелитель Мурзы невидимаго.»

Царь подумалъ, не рехнулся ль молодецъ, хоть и съ виду удалецъ; но

придворные видали безсчастнаго и сказали царю, что пришлецъ незнакомый походитъ лицомъ на безсчастнаго стрѣлка, но невѣдомо откуда дался ему кладъ.

Тогда царь сказалъ стрѣлку: «Слышишь, что говорятъ. Если лгалъ предо мною, то простись съ головою; посмотрю я, какъ съ невидимкой Мурзой, ты начнешь съ непріятелемъ бой.»

— «Царь надежа!» стрѣлокъ отвѣчалъ; «я лишь слово скажу, все готово!»

— «Поглядимъ, молвилъ царь, если правду сказалъ, отдамъ тебѣ дочь, или голову прочь!

А стрѣлокъ себѣ гадалъ: либо панъ, либо пропалъ, и шепнулъ: *Мурза, по-*

ди туда, не знаю куда, сдѣлай то, не знаю что.

Прошло нѣсколько минутъ, ничего не было ни слышно, ни видно. Стрѣлокъ поблѣднѣлъ, гнѣвный царь повелѣлъ заковать стрѣлка въ цѣпи, какъ вдругъ раздались предъ дворцомъ и пальба и стрѣльба, царь и придворные на крыльцо побѣжали: не четыре рѣки вытекали, а съ правой и съ лѣвой руки шли полки, со знаменами строемъ, отдавали честь боемъ; все красой удивляло, войска такого и у царя не бывало. Царь не вѣрилъ глазамъ.

— «Нѣтъ тутъ ошибки; это полки невидимки,» молвилъ безсчастный стрѣлокъ.

— «Пусть же прогонятъ враговъ, чтобъ силы противной не осталось слѣдовъ.

Стрѣлокъ махнулъ платкомъ, воины налѣво кругомъ; маршъ походный заигралъ; поднялся туманъ, полки въ скачь летятъ, а очистился туманъ—какъ и не было ихъ.

Позвали стрѣлка къ обѣду, въ царскую бесѣду, и распрашивалъ царь о Мурзѣ невидимкѣ. Лишь обѣдъ начался, за второй смѣной блюдъ вѣсть пришла, что непріятель бѣжитъ, на голову разбитъ, Татары отъ города, какъ птицы отъ холода, въ страхѣ летѣли, шатры опустѣли.—Царь стрѣлка благодарилъ, дочери объявилъ, что нашелъ ей жениха.

Миловзора, услышавъ, смутилась, покраснѣла , въ лицѣ измѣнилась , слезки изъ глазъ побѣжали, жемчугомъ падали, алмазомъ сверкали. Стрѣлокъ самъ не свой, что-то шепталъ про себя . . . бросились придворные слезки подбирать , все алмазы да жемчуги! . . . Миловзора разсмѣялась, и руку стрѣлку подала.— Сама она—радость, въ глазахъ ея—ласка . . . тутъ пиръ начался, и кончилась сказка.

IV.

СКАЗКА

о

ИВАНѢ КРУЧИНѢ, КУПЕЧЕСКОМЪ СЫНѢ.

У купца Кручины богатаго былъ сынокъ Иванушка.

Не стало у Иванушки матушки; женился Кручина на другой женѣ.

Отдали Иванушку въ науку; каждый день въ училище онъ ходитъ, поздно ввечеру домой приходитъ; въ праздники дома на привольѣ.

Нужда купцу прилучилась ѣхать въ земли иныя, въ дальніе города луговые.

Купчиха была молодая, а мужъ сѣдоволосой. Лишь только что онъ уѣхалъ, стали наѣзжать къ ней гости на бесѣду, садятся они за однимъ столомъ, пьютъ и ѣдятъ, пированье идетъ, а Иванъ смотритъ да спрашиваетъ: матушка, что у васъ за люди? Купчиха отвѣчаетъ: все родные мои.

«Хорошо!» молвилъ Иванъ тихомолкомъ «батюшка пріѣдетъ, раскажу ему.»

У купчихи была клюшница наушница, и знала людей портить, подслушала Иванушку, и сказала купчихѣ, что пасынокъ на умѣ держитъ обо всемъ отцу расказать.

На конюшнѣ купца стоялъ жеребецъ некупленой, а забѣжалъ онъ охотою. Иванъ за нимъ ходитъ, кормитъ и поитъ, жеребца холитъ.

Жеребецъ ростетъ, и сталъ пресильный конь, чудный конь; ржетъ на разные голоса, словно человѣкъ говоритъ, и все знаетъ, понимаетъ, что слышитъ.

Вотъ Иванъ домой изъ училища идетъ мимо конюшни, и видитъ: конь повѣсилъ голову, опустилъ уши, понурился.

—Что ты пасмуренъ? спросилъ Иванъ: надъ собой, иль надо мной бѣду примѣчаешь?

Не надъ собой, а надъ тобой, конь сказалъ. Мачиха умышляетъ тебя изве-

сти , хочетъ тебѣ вина поднести ; смотри, не пей вина, вылей.

Иванъ пошелъ въ домъ , мачиха стала подчивать; онъ отговаривался, мачиха ну упрашивать; дѣлать нечего, рюмку взялъ , да къ окошку придвинулся , самъ какъ будто прикушиваетъ , а тихонько вино за окно выплеснулъ.

Подъ окномъ росла трава и траву сожгло. Удивилась купчиха , что ничего надъ Иваномъ не сдѣлалось.

На другой день опять Иванъ домой мимо конюшни идетъ , зашелъ погладить коня , смотритъ , по вчерашнему конь стоитъ невеселъ, голову повѣсилъ.

Спрашиваетъ Иванушка, а конь говоритъ: испекли тебѣ лепешку на лютомъ

зельѣ, станутъ тебя потчивать; смотри, не ѣшь, а тихонько брось.

Такъ и сдѣлалось. Иванъ лепешку тихонько бросилъ; бѣжала собака да съѣла; вдругъ, какъ начала она на стѣны метаться, какъ начала съ визгомъ и лаемъ кидаться; металась, кидалась,—и разорвало собаку; а Иванъ здоровехонекъ, утромъ пошелъ въ училище.

Клюшница-наушница догадалась, что не Иванъ узнаетъ, а конь ему сказываетъ, и съ купчихой задумали коня извести; настояла ведро воды лютымъ зельемъ: выпьетъ конь—прилетятъ тридцать три ворона, желѣзные носы, и расклюютъ коня.

Работники взяли коня, повели поить; а конь вдругъ вырвался, побѣжалъ къ воротамъ, но ворота были притворены.

Работники погнали коня, набросили на шею узду, опутали веревкой за морду и за уши, тянутъ, а купчиха въ окно кричитъ: смотрите, крѣпче тяните; но конь бьетъ копытомъ; не могутъ съ нимъ справиться.

На ту пору Иванъ идетъ изъ училища; жаль ему стало коня; кричитъ онъ работникамъ: что вы коня добраго мучите?

Они отвѣчаютъ: поить ведемъ.

Я самъ напою его, сказалъ имъ Иванъ, и къ колодезю пошелъ, воды чистой зачерпнулъ, и коня онъ напоилъ.

Видитъ купчиха, что не удается ей ни Ивана, ни коня извести, и съ досады притворилась больною.

С·Но купецъ воротился изъ-за моря, а купчиха лежитъ въ постелѣ и охаетъ.

— Видно, свѣтъ, нездорова! спросилъ купецъ.

— Нечто, вся больна, отвѣчала она съ умысломъ.

— Послать бы за лекаремъ, сказалъ мужъ.

— Былъ лекарь, говорила жена, да сказалъ, что надо убить жеребца, вынуть изъ него желчь и ею лечиться.

— Ну, молвилъ купецъ, конь дѣло наживное; пусть убьютъ жеребца.

Вотъ работники собрались, точить ножи принялись, а Иванъ пришелъ изъ

училища, узналъ, что хотятъ зарубить коня, и къ отцу побѣжалъ.

— Батюшка! молвилъ онъ, позволь мнѣ въ послѣдній разъ коня покормить, по двору поводить. Отецъ позволилъ. Иванъ накормилъ коня ячменемъ, взялъ за узду, вывелъ на широкій дворъ, по спинѣ гладитъ, а самъ плачетъ.

Вдругъ конь ударилъ его пятой, Иванъ упалъ и всталъ.

— Прибыло ли въ тебѣ силы? спросилъ конь Иванушку.

— Прибыло, отвѣчалъ онъ.

Конь ударилъ его въ другой разъ, и опять спросилъ:

— Прибыло ли?

— Чувствую великую силу, отвѣчалъ Иванъ. Теперь я хоть съ кѣмъ смогу.

Попроси отца, не отпуститъ ли тебя по мостовой разгуляться, въ послѣдній разъ на мнѣ покрасоваться.

Иванъ пошелъ къ отцу; говоритъ ему: батюшка, позволь мнѣ на конѣ прокатиться, въ послѣдній разъ на немъ повеселиться.

Позволилъ отецъ, а Иванъ осѣдлалъ коня, сѣлъ на него, выѣхалъ за тесовыя ворота и сталъ разъѣзжать взадъ и впередъ, а купецъ стоитъ у воротъ, да смотритъ.

Вдругъ Иванъ присвиснулъ, пріударилъ коня, а самъ молвилъ: прощай,

свѣтъ мой батюшка, намъ не житье у тебя, мачиха хотѣла меня извести и коня погубить, и сказавъ, поскакалъ.

Выѣзжаетъ онъ изъ города, а на встрѣчу ему ѣдетъ старуха съ возомъ сѣна, худая, сухая, только кости однѣ.

Вдругъ возъ ея повалился, а Иванъ смѣется и говоритъ: старуха! я подниму возъ одною рукою; соскочилъ съ коня и сталъ поднимать.

— Съ благословеньемъ ли ты выѣхалъ въ путь? старуха спросила, и изъ-подъ сѣна косу выхватила, Ивана подкосила. «Много на свою силу надѣялся! Я свое взяла.» Видно, что смерть была.

Лежитъ молодецъ бездыханный; конь его поскакалъ въ чисто поле.

Летитъ мимо соколъ, крыльями машетъ, а въ когтяхъ несетъ скляночки живой и мертвой воды.

Видитъ соколъ, что птицы середи поля слетѣлись, клюютъ бѣлое тѣло: красавецъ пропадаетъ задаромъ.

Сжалился соколъ: влилъ ему въ ротъ мертвой воды,—тѣло срослось; спрыснулъ живою—Иванъ вскочилъ, и думаетъ, что съ просонья всталъ. «Долго бъ ты проспалъ, молвилъ соколъ; если бъ не я, вѣкъ-бы лежалъ ты, не всталъ.»

Ивану не вѣрится, а соколъ на лету схватилъ вороненка, пришибъ крыломъ, мертваго бросилъ; спрыснулъ живой водой, вороненокъ опять полетѣлъ!

—Ну видно, что такъ, сказалъ Иванъ. Спасибо тебѣ, ясный соколъ. Гдѣ же мой конь?

—Конь твой ушелъ въ дальнее царство, въ городъ, гдѣ мраморная ограда, хрустальная застава.—

«Соколъ! соколъ! покажи мнѣ дорогу къ коню моему.»

—Ступай въ ту сторону, куда я полечу.—

Скоро сказка сказывается, а не скоро пришелъ Иванъ къ мраморной оградѣ, къ хрустальной заставѣ.

Но ограда высока; въ заставу не пускаютъ.

Только конь послышалъ его, запрыгалъ, захрапѣлъ, и ударивъ въ плиту копытомъ, отвалилъ камень такой, что всему городу не поднять.

Однако схватили коня, удержали, въ обручи желѣзные заковали, заперли въ погребъ бѣлокаменный, а Иванъ прошелъ въ городъ.

Всѣ смотрятъ на красиваго молодца и говорятъ: онъ не нашей земли, изъ чужаго царства, и Ивана къ царю привели.

Царь спрашивалъ, кто онъ?

«Не знаю,» отвѣчалъ Иванъ.

«Откуда?»

«Не знаю.»

Что ни спросятъ его — отвѣчаетъ: *не знаю!*

Царь было разгнѣвался, но подумалъ: тутъ простота не безъ хитрости, а такіе люди подъ часъ пригодятся. Будь же ты Незнайкинъ! сказалъ онъ Ивану и оставилъ его служить у себя. Иванъ служитъ вѣрно, и царь далъ ему ключи отъ своихъ кладовыхъ, велѣлъ ходить въ шесть кладовыхъ, а въ седьмую не ходить.

Много ли, мало ли прошло, Иванъ ходитъ въ кладовыя, и въ раздумьи подошелъ къ седьмой кладовой.

Вдругъ слышитъ: конь заржалъ за стѣной; не утерпѣлъ Иванъ, отперъ дверь за семью замками, и узналъ коня своего.

Окованъ конь двѣнадцатью желѣзными обручами, привязанъ къ столбу

цѣпями; на столбѣ висятъ ключи отъ цѣпей.

Не чаялъ я дождаться тебя, сказалъ конь; выручалъ я тебя, теперь ты меня выручи; дай побѣгать и ноги расправить.

Иванъ взялъ ключи, цѣпи распались, и конь освободясь сказалъ ему: «никому кромѣ тебя не давалъ я садиться на себя; сряжайся скорѣй, накинь узду и обратуй меня, да сними со стѣны голичекъ и щетку. Они тебѣ пригодятся.»

Иванъ снялъ съ крючковъ голичекъ и щетку, осѣдлалъ коня, накинулъ уздечку шелковую, и конь взвился какъ стрѣла, копытами бьетъ, камни топчетъ, искры сыплются, и пролетѣлъ за городскія ворота, сквозь заставу хрустальную.

Немного погодя, говоритъ конь Ивану: слѣзь да послушай, не гонятся ли за нами? У царя есть конь вѣтръ, да конь молнія, на нихъ насъ догонятъ.

Иванъ припалъ къ землѣ и слушаетъ: Скачутъ! скачутъ! закричалъ онъ.

Брось же голичекъ позади себя!

Иванъ бросилъ голичекъ и вдругъ поднялся изъ земли частый, дремучій лѣсъ, и загородилъ путь.

Ѣдетъ Иванъ, между тѣмъ лѣсъ срубили, и опять за нимъ гонятся.

Брось за собой щетку, кричитъ конь.

Иванъ бросилъ, и поднялись горы каменныя, крутыя, заслонили Ивана стѣною.

Долго ли, скоро ли, Иванъ пріѣхалъ въ другое царство, въ широкіе луга, коня пустилъ на траву и молвилъ: слушай, мой конь, вѣрный конь, прибѣги по первому свисту; а самъ пошелъ въ садъ.

Тамъ за серебряной рѣшеткой росла заповѣдная яблонь съ румяными яблочками наливными, сквозными; прельстился Иванъ, и сорвалъ что ни лучшее яблочко.

Но къ яблонкѣ той молодой были проведены золотыя струны, и зазвенѣло по всему саду; набѣжала стража, схватили Ивана, къ царю привели.

Царь его спрашивалъ о родѣ и имени, волею ли пришелъ иль неволею? Иванъ простотой полюбился ему; велѣлъ ему царь смотрѣть за царскимъ садомъ, и далъ ему прозванье Незнайка.

У царя того были три дочери, двѣ въ замужествѣ, а третья не замужемъ.

Прекрасная царевна вышла въ садъ и видя садовника молодаго, пригожаго, сказала ему: что ты, садовникъ, въ саду ходишь, а мнѣ цвѣтовъ не приносишь?

Иванъ кинулся къ цвѣтамъ, сталъ срывать что ни лучшіе, но у нихъ иглы колючія, изъязвилъ руку до крови.

Жалко Ивана царевнѣ, взяла она тонкій шелковый платъ, обвязала руку садовнику.

Въ ту пору разнеслась вѣсть, что сосѣдній неправославный король пришелъ воевать царскія земли, подступилъ подъ городъ съ несмѣтною силою. Началось побоище великое.

Иванъ срубилъ липку, обтесалъ дубинку, вышелъ на лугъ, и крикнулъ громкимъ голосомъ, богатырскимъ посвистомъ.

Откуда ни взялся чудной конь его; конь бѣжитъ, земля дрожитъ. Иванъ скачетъ, на враговъ налетаетъ, у одного выхватилъ мечъ боевой, у другаго сдернулъ шишакъ золотой, надѣлъ на себя

и закрылся наличникомъ; побилъ Иванъ силу великую.

Царь дивится и не знаетъ, что за витязь? откуда взялся? Въ мысль не придетъ, что ратуетъ садовникъ Незнайка. Всѣ думаютъ, не Егорій ли храбрый на бѣломъ конѣ?

Непріятели бѣжали, шатры побросали, а богатырь поскакалъ, изъ вѣду пропалъ.

Царь возвратясь во дворецъ, хвалился воиномъ незнаемымъ, и говоритъ дочери: кто бы ни былъ онъ, я за храбрость пожалую; радъ отдать за него и дочь свою! А садовникъ Незнайка у окна, стоитъ да слушаетъ.

Много ли, мало ли прошло времени, опять подошла къ городу сила несмѣтная; началось снова побоище.

Иванъ вышелъ на лугъ, свиснулъ, конь его бѣжитъ, пыль изъ подъ копытъ, вьется передъ нимъ, какъ по вѣтру дымъ; сталъ ретивой, какъ листъ передъ травой, и спрашиваетъ: что прикажешь?

Послужи еще службу, сказалъ Иванъ, понеси на побоище!

Вѣрный конь взвился вихремъ; глядятъ, молодой богатырь, какъ орелъ налетѣлъ, и побилъ силу великую.

Опять думаютъ, не Егорій ли храбрый? Копьемъ машетъ, враговъ побиваетъ,—царя спасъ отъ смерти, народъ отъ стыда!

Непріятели бѣжать торопились, больше не воротились, а царь велѣлъ незнакомца догнать, во дворецъ его звать.

Явился незнакомецъ, царь его просилъ опустить наличникъ шлема, а царевна взглянувъ на руку, свой платокъ запримѣтила, покраснѣла, и слова не молвила.

«Кто бы ты ни былъ,» сказалъ царь, не отступлю отъ моего царскаго слова: если холостъ ты, отдамъ за тебя дочь мою, а женатъ, подѣлюсь съ тобой царствомъ моимъ.

Иванъ опустилъ наличникъ золотаго шлема, и предъ царемъ до земли поклонился.

Царь изумился, Незнайку узналъ, сыномъ назвалъ. Незнайка на царевнѣ же-

пился, и расказали мы вамъ, по старымъ рѣчамъ, объ Иванѣ Кручинѣ, купеческомъ сынѣ.

V.

СКАЗКА

о

СЕРЕБРЯНОМЪ БЛЮДЕЧКѢ

и

НАЛИВНОМЪ ЯБЛОЧКѢ.

Жилъ мужикъ съ женою, и у нихъ были три дочери. Двѣ нарядницы затѣйницы, а третья дочь простоватая, и зовутъ ее сестры, а заними отецъ и мать дурочкой. Дурочку вездѣ толкаютъ, во все помыкаютъ, работать заставляютъ; она не молвитъ и слова, на все готова; и траву полетъ, и лучину колетъ, коровушекъ доитъ, уточекъ кормитъ. Кто что ни спроситъ, все дура приноситъ; дура, поди,

за всѣмъ дура гляди. Ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ на ярмонку, обѣщаетъ дочерямъ гостинцевъ купить. Одна дочь проситъ: купи мнѣ, батюшка, кумачу на сарафанъ; другая дочь проситъ: купи мнѣ алой китайки, а дура молчитъ, да глядитъ. Хоть дура, да дочь. Жаль отцу, и ее спросилъ: чего тебѣ, дура, купить?—Дура усмѣхнулась и говоритъ: купи мнѣ, свѣтъ батюшка, сесебряное блюдечко, да наливное яблочко.—Да на что тебѣ? сестры спросили. «Стану я катать яблочкомъ по блюдечку, да слова приговаривать, которымъ научила меня старушка, за то, что я ей калачъ подала.»—Мужикъ обѣщалъ и поѣхалъ; близко ль, далеко ли, мало ли, долго ли, былъ онъ на ярмонкѣ, сѣно продалъ, гостинцевъ купилъ: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафанъ, а дурѣ сере-

бряное блюдечко, да наливное яблочко; возвратился домой, и показываетъ. — Сестры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смѣются, да ждутъ, что она будетъ дѣлать съ серебрянымъ блюдечкомъ, съ наливнымъ яблочкомъ. Дура не ѣстъ яблочко, а сѣла въ углу, приговариваетъ: катись, катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мнѣ города и поля, и лѣса и моря, и горъ высоту, и небесъ красоту. Катится яблоко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечкѣ всѣ города, одинъ за другимъ видны, корабли на моряхъ и полки на поляхъ, и горъ высота, и небесъ красота; солнышко за солнышкомъ катится, звѣзды въ хороводъ собираются, такъ все красиво, на диво, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Заглядѣлись сестры, а самихъ зависть

беретъ, какъ бы выманить у дуры блюдечко; но она свое блюдечко ни на что не промѣняетъ. Злыя сестры похаживаютъ, зовутъ, подговариваютъ: душенька сестрица, въ лѣсъ по ягоды пойдемъ! земляничку сберемъ!—Дурочка блюдечко отцу отдала, встала, да въ лѣсъ пошла; съ сестрами бродитъ, ягоду сбираетъ, и видитъ, что на травѣ заступъ лежитъ. Вдругъ злыя сестры заступъ схватили, дурочку убили, подъ березкой схоронили, а къ отцу поздно пришли, говорятъ: дурочка отъ насъ убѣжала, безъ вѣсти пропала, мы лѣсъ обошли, ее не нашли, видно волки съѣли!—Жалко отцу, хоть дура, да дочь! Плачетъ мужикъ по дочери; взялъ онъ блюдечко и яблочко, положилъ въ ларецъ, да замкнулъ, а сестры слезами обливаются. Водитъ стадо пастушокъ, трубитъ въ трубу на зарѣ,

и идетъ по лѣску овечку отыскивать; видитъ онъ бугорокъ, подъ березкой въ сторонѣ, а на немъ вокругъ цвѣты алые, лазоревые; надъ цвѣтами тростинка. Пастушокъ молодой срѣзалъ тростинку, сдѣлалъ дудочку, и — диво дивное, чудо чудное, дудочка сама поетъ, выговариваетъ: играй, играй, дудочка! потѣшай свѣта батюшку, мою родимую матушку, и голубушекъ, сестрицъ моихъ. Меня бѣдную загубили, со свѣту сбыли, за серебряное блюдечко, за наливное яблочко. Люди слышутъ—сбѣжались, вся деревня за пастухомъ оборотилась; пристаютъ къ пастуху, выспрашиваютъ, кого загубили? Отъ распросовъ отбою нѣтъ. Люди добрые! пастухъ говоритъ, ничего я не вѣдаю, а въ лѣсу искалъ овечку, и увидѣлъ бугорокъ, на бугоркѣ цвѣточки, надъ цвѣточками тростинка;

срѣзалъ я тростинку, сдѣлалъ себѣ дудочку; сама играетъ, выговариваетъ. Случился тутъ отецъ дурочки, слышитъ пастуховы слова; схватилъ дудочку, а дудочка сама поетъ: «играй, играй, дудочка, родимому батюшкѣ, потѣшай его съ матушкой; меня бѣдную загубили, со свѣту сбыли, за серебряное блюдечко, за наливное яблочко!»—Веди насъ, пастухъ, говоритъ отецъ, туда, гдѣ срѣзалъ ты тростинку; пошелъ за пастухомъ онъ въ лѣсокъ, на бугорокъ, и дивится на цвѣты прекрасивые; цвѣты алые, лазоревые; вотъ начали разрывать бугорокъ, и мертвое тѣло отрыли. Отецъ всплеснулъ руками, застоналъ, дочь несчастную узналъ, и лежитъ она убитая, невѣдомо кѣмъ загублена, невѣдомо кѣмъ зарытая. И добрые люди спрашиваютъ, кто убилъ-загубилъ ее? А дудочка сама играетъ, выговари-

ваетъ: «свѣтъ мой, батюшка родимый! меня сестры въ лѣсъ зазвали, меня бѣдную загубили, за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня отъ сна тяжкаго, пока не достанешь воды изъ колодезя царскаго.» — Двѣ сестры завистницы затряслись, поблѣднѣли, а душа какъ въ огнѣ, и признались въ винѣ; ихъ схватили, связали, въ темной погребъ замкнули, до царскаго указа, высокаго повелѣнья, а отецъ въ путь собрался, въ городъ престольной. Скоро ли, долго ли, прибылъ въ тотъ городъ; ко дворцу онъ приходитъ. Вотъ съ крыльца золотаго царь солнышко вышелъ, старикъ въ землю кланяется, царской милости проситъ.—Возговоритъ царь-надежа: «возьми, старикъ, живой воды изъ царскаго колодезя. Когда дочь оживетъ, представь ее намъ съ блюдечкомъ, яблоч-

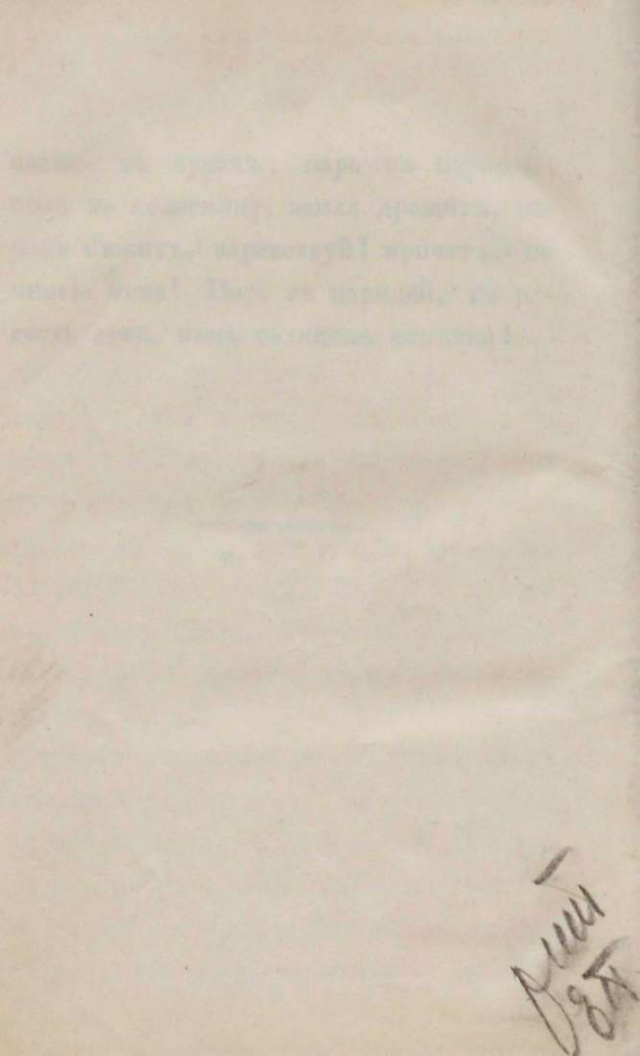
комъ, съ лиходѣйками сестрами.»—Старикъ радуется, въ землю кланяется, и домой везетъ склянпцу съ живою водою; бѣжитъ онъ въ лѣсокъ, на цвѣтной бугорокъ, отрываетъ тамъ тѣло. Лишь онъ спрыснулъ водой, встала дочь предъ нимъ живой, и припала голубкой на шею отцу. Люди сбѣжались, наплакались. Поѣхалъ старикъ въ престольный городъ, привели его въ царскія палаты, вышелъ царь-солнышко, видитъ старика съ тремя дочерьми, двѣ за руки связаны, а третья дочь, какъ весенній цвѣтъ, очи райской свѣтъ; по лицу заря, изъ очей слезы катятся, будто жемчугъ падаютъ. Царь глядитъ, удивляется; на злыхъ сестеръ прогнѣвался, а красавицу спрашиваетъ: гдѣ жъ твое блюдечко и наливное яблочко? Тутъ взяла она ларчикъ изъ рукъ отца, вынула яблочко съ блю-

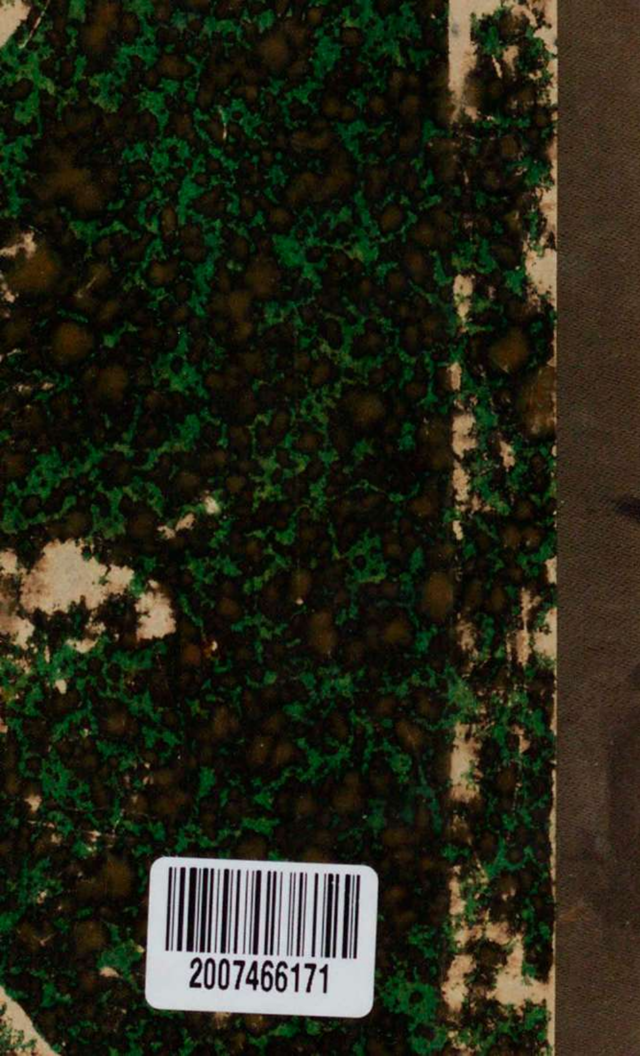
дечкомъ, а сама царя спрашиваетъ: «что ты царь государь, хочешь видѣть? городаль твои крѣпкіе! полкиль твои храбрые? корабли ли на морѣ, чудныя ль звѣзды на небѣ?» Покатила наливнымъ яблокомъ по серебряному блюдечку, а на блюдечкѣ-то одинъ за однимъ города выставляются, въ нихъ полки собираются, со знаменами, со пищалями, въ боевой строй становятся, воеводы передъ строями, головы передъ взводами, десятники передъ десятнями. И пальба и стрѣльба, дымъ облако свилъ, все изъ глазъ закрылъ. Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечкѣ море волнуется, корабли какъ лебеди плаваютъ, флаги развѣваются, съ кормы стрѣляютъ. И стрѣльба и пальба, дымъ облако свилъ, все изъ глазъ закрылъ. Яблочко по блюдечку катится,

наливное по серебряному: въ блюдечкѣ все небо красуется, солнышко за солнышкомъ кружится, звѣзды въ хороводъ собираются. Царь удивленъ чудесами, а красавица льется слезами, передъ царемъ въ ноги падаетъ, проситъ помиловать: Царь государь! говоритъ она, возьми мое серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости ты сестеръ моихъ, за меня не губи ты ихъ! Царь на слезы ея сжалился, по прошенью помиловалъ; она въ радости вскрикнула, обнимать сестеръ бросилась. Царь глядитъ, изумляется; взялъ красавицу за руки, говоритъ ей привѣтливо: я почту доброту твою, отличу красоту твою, хочешь ли быть мнѣ супругою, царству доброй царицею? — Царь-государь, отвѣчаетъ красавица: твоя воля царская, а надъ дочерью воля отцовская, благословенье

родной матери. Какъ отецъ велитъ, какъ мать благословитъ, такъ и я скажу.— Отецъ въ землю поклонился; послали за матерью. Мать благословила дочь. Еще къ тебѣ слово, сказала царю красавица: не отлучай родныхъ отъ меня; пусть со мною будутъ и мать и отецъ, и сестры мои. Тутъ сестры ей въ ноги кланяются. Недостойны мы, говорятъ онѣ.—Все забыто, сестры любезныя, говоритъ она имъ; вы родныя мнѣ, не съ чужихъ сторонъ, а кто старое зло помнитъ, глазъ тому вонъ!—Такъ сказала она, улыбнулась, и сестеръ поднимала, а сестры въ раскаяньи плачутъ, какъ рѣка льются, встать съ земли не хотятъ. Тогда царь имъ встать приказалъ, кротко на нихъ посмотрѣлъ, во дворцѣ остаться велѣлъ. — Пиръ во дворцѣ! крыльцо все въ огняхъ, какъ

солнце въ лучахъ; царь съ царицей, сѣли въ колесницу, земля дрожитъ, народъ бѣжитъ, здравствуй! кричатъ, на многіе вѣка! Царь съ царицей, на радость дней, намъ солнцемъ свѣтлѣй!

2007466171